
Толстой и Ганди

© 2019 г. А.А. Гусейнов

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: guseynovck@mail.ru

Поступила 08.09.2019

Статья основана на анализе переписки Л.Н. Толстого и Махатмы Ганди, которая состоит из шести писем 1909–1910 гг. Рассматривается общность взглядов двух мыслителей на роль насилия и ненасилия в жизни человека и общества. Показано, что, несмотря на различие религиозных, культурных и национальных традиций, в которых выросли эти мыслители, и на несходство их личных судеб, они тем не менее были мировоззренчески и нравственно очень близки. Их объединяет внутренняя и последовательная приверженность идее ненасилия. Непротивление злу, которое, по Толстому, является адекватным воплощением любви, и сатьяграха, которая, согласно Ганди, является позитивной формулировкой пассивного сопротивления, — тождественные понятия. Специфические условия борьбы за национальное освобождение против британского владычества, как они считали, не могут стать аргументом, допускающим отступление от принципа ненасилия. «Письмо индусу», в котором Толстой развивает идеи своего трактата «Закон насилия и закон любви», приобрело характер программного документа ненасильственной борьбы индусов против колонизаторов в Южной Африке. Толстой и Ганди едины в том, что ненасилие как общественная позиция является следствием, выражением и продолжением индивидуально-ответственного религиозно-нравственного жизненного выбора личности. Они разработали совокупность базовых добродетелей ненасильственной жизненной позиции индивида, первой ступенью которой является целомудренное сдерживание потребностей тела (начиная с вегетарианства) и которая включает в себя также занятия физическим трудом, бесстрашие и безусловный отказ от лжи. Радикальная критика материальной цивилизации — таков еще один пункт сближения двух мыслителей. В целом, учение Ганди охарактеризовано в статье как продолжение и новый этап толстовского учения, заключающийся в распространении идеи ненасилия на область общественно-политической жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: Лев Толстой, Махатма Ганди, непротивленчество, сатьяграха, закон любви, «Письмо к индусу», вегетарианство, критика цивилизации.

DOI: 10.31857/S004287440007361-2

Цитирование: *Гусейнов А.А.* Толстой и Ганди // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 153–163.

Tolstoy and Gandhi

© 2019 г. Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: guseynovck@mail.ru

Received 08.09.2019

The article is based on the analysis of the correspondence between Leo Tolstoy and Mahatma Gandhi which consists of six letters written in 1909–1910. It examines their shared outlook on the role of violence and nonviolence in the life of both a person and a society. It is shown that, despite the difference in religious, cultural and national traditions forming the backgrounds of the thinkers and the dissimilarity of their personal lives, they were very close in their world outlook and morality. They are united by the inner and consistent dedication to the idea of nonviolence. Nonresistance to evil by force, which is an adequate presentation of love according to Tolstoy, and the concept of Satyagraha, which is a positive formula of the passive resistance, according to Gandhi, are identical concepts. Both thinkers considered the specific conditions of the struggle for the national liberation against the British rule not to be an argument permitting a dissimilarity from the principle of nonviolence. “A Letter to a Hindu”, in which Tolstoy develops the ideas of his treatise “The Law of Love and The Law of Violence”, assumed the character of a program document for the nonviolent struggle of the Indian against the colonialists in South Africa. Tolstoy and Gandhi are at one in thinking that nonviolence as a social position is a consequence, expression and development of an individually responsible religious and moral personal life-choice. They elaborated a number of basic virtues of the individual nonviolent life philosophy: its first step is a chaste repression of the bodily needs starting with vegetarianism. It also includes manual labour, fearlessness and unconditional abandonment of lying. A radical critique of the material civilization is one more point making their views closer. Generally, the article characterizes Gandhi’s teaching as the development and a new stage of Tolstoy’s teaching: it extends the idea of nonviolence to the sphere of the political and social activity of people.

Key words: Leo Tolstoy, Mahatma Gandhi, nonresistance, Satyagraha, The Law of Love, “A Letter to a Hindu”, vegetarianism, the critique of civilization.

DOI: 10.31857/S004287440007361-2

Citation: Guseynov, Abdusalam A. (2019) “Tolstoy and Gandhi”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 153–163.

Встреча Толстого и Ганди — удивительное явление. Примечателен сам факт переписки двух совершенно неизвестных друг другу людей из противоположных концов мира — из России и Южной Африки: ведь как ни был знаменит Толстой и как ни были обширны его связи и переписка, тем не менее круг его персональных контактов был по-человечески ограничен (вспомним лишь, что ему не случилось встретиться ни лично, ни письменно с таким своим известным соотечественником и современником, как Достоевский). И кажется вовсе невероятным, что неизвестный индус оказался именно тем, кому в качестве мыслителя и общественного деятеля выпало на долю расширить горизонт и продвинуть дальше дело самого Толстого. Это была поистине счастливая страница истории, преисполненная символического смысла и как бы специально подстроенная судьбой для того, чтобы не погас огонь ненасилия и чтобы передать его, словно эстафету, из одних рук в другие — из могучих рук Толстого в твердые руки Ганди.

Л.Н. Толстой и М.К. Ганди обменялись шестью письмами, каждый написал по три письма. Есть еще одно затерявшееся письмо, о котором стало известно через 47 лет [Шифман 1957, 99]. Первое письмо Ганди пишет Толстому 1 октября 1909 г., представляя себя как «абсолютно неизвестного вам человека» [Сергиенко 1939, 343]. Оно состоит из трех сюжетов. 1) Ганди знакомит Толстого с дискриминацией индийской общины в Южной Африке, положение которой стало особенно тяжелым в связи с принятым за несколько лет до этого законом ограничения проживания и перемещения азиатов; сообщает, что община развернула борьбу пассивного сопротивления за свои права. Ганди специально подчеркивает, что он и некоторые его друзья ведут эту борьбу с твердой верой в учение о непротивлении злу. Про себя же он специально подчеркивает, что ему выпало счастье познакомиться с трудами Толстого, которые оказали глубокое воздействие на его мировоззрение. 2) Он спрашивает мнение Толстого относительно того, не следует ли организовать всеобщий конкурс работ о нравственности и действенности пассивного сопротивления, чтобы привлечь более широкие круги к этим идеям. 3) Ганди ставит некоторые вопросы в связи с публикацией и распространением работы Толстого «Письмо индусу». В Дневнике Толстого от 24 сентября (разница дат объясняется тем, что Толстой пользуется старым стилем) он помечает: «Писал письмо индусу и получил приятное письмо от индуса из Трансваала» [Толстой 1957⁶, 143]. (Называя своих адресатов индусами, Толстой имеет в виду их принадлежность стране, Индии, а не религии индуизма.)

Ответ Толстого, помеченный 7 октября 1909 г., является очень дружественным и кратким. Он приветствует их борьбу: «Помогай бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жесткого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым годом всё более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским — в отказах от военной службы. Отказы становятся всё чаще и чаще» [Толстой 1955, 110]. Толстой выражает радость по поводу перевода и распространения своей работы и дает ответы на все связанные с ней вопросы.

В письме от 10 ноября 1909 г. Ганди обращается к Толстому с просьбой поддержать своим влиянием их борьбу и посылает ему книгу о своей жизни и борьбе [Загородникова 2013, 225–226]. Оно, по-видимому, затерялось в бумагах и осталось без ответа.

В третьем письме (от 9 апреля 2010 г.) Ганди напоминает о себе и просит принять от «скромного последователя» [Сергиенко 1939, 344] новую книгу (речь идет о написанном в 1909 г. очерке «Индийское самоуправление»), тираж которой на языке гуджарати был конфискован правительством Индии, и поэтому он сам срочно осуществил перевод. Ганди со всей почтительностью выражает надежду на критический отзыв об этом сочинении. Одновременно он пересылает две копии «Письма индусу». Толстой отвечает 25 апреля (8 мая) коротким письмом о том, что прочитал книгу с интересом и считает пассивное сопротивление вопросом «величайшей важности не только для Индии, но для всего человечества». И обещает, когда позволит здоровье, написать Ганди все, что хотел бы «сказать по поводу вашей книги и всей вашей работы» [Толстой 1956^а, 247].

Ганди письмом от 15 августа 1910 г. благодарит Толстого за ободряющее и сердечное письмо и пишет, что будет ждать более подробный отзыв о своей «брошюре "Indian Home Rule"». Одновременно Ганди представляет своего друга и соратника, немецкого архитектора Калленбаха, который прошел через многие испытания, столь образно описанные Толстым в «Исповеди», и под сильным впечатлением от сочинений Толстого избрал возвещаемый им путь жизни. Ганди выражает поддержку Калленбаху, позволившему себе назвать основанную ими ферму «Фермой Толстого». Одновременно с письмом Ганди посылает несколько номеров журнала *Indian Opinion* с описанием совместного их с Калленбахом проекта. Калленбах пишет отдельное письмо Толстому, задним числом извиняясь за то, что воспользовался его именем. Он говорит о глубоком воздействии трудов и учения Толстого, в честь чего он и назвал ферму в 1100 акров земли, предоставленную для нужд непротивленцев и их семей. В завершение письма и в оправдание он пишет Толстому, что будет стремиться «жить

согласно тем идеям, которые вы столь бесстрашно вносите в мир». В «Дневнике» 6 сентября 1910 г. находим запись: «Приятное известие из Трансвааля о колонии непротивленцев» [Толстой 1934, 99]. По-видимому, интересное содержание писем Ганди и Калленбаха и полученные журналы произвели на Толстого сильное впечатление, и несмотря на тяжелое душевное и неважное физическое состояние, он немедленно в день же получения приступил к ответу Ганди. 6 и 7 сентября он продиктовал письмо Д.П. Маковицкому, исправил его, тут же отправил на перевод Черткову и уже через неделю, 14 сентября, получил его уже переведенным на подпись.

Последнее письмо Толстого¹ к Ганди, датированное 7 сентября (20 по новому стилю) 1910 г., явилось развернутым изложением его взгляда на идеи непротивления в современном мире, включая деятельность сторонников Ганди в Трансваале. Непосредственно оно стало откликом на то, что было сказано в полученных им номерах журналов *Indian Opinion* о непротивляющихся. Текст Толстого не содержит в себе никаких признаков частного письма. Это скорее манифест, он пишет то самое важное и сокровенное, что хочется ему сказать людям, особенно «теперь, когда живо чувствую близость смерти» [Толстой 1956⁶, 136]. Данное письмо, несомненно, входит в фонд основных толстовских произведений, концентрированно излагающих его мировоззрение — непротивление злу. Сам Толстой был недоволен письмом; он пишет Черткову 17 сентября: «Перевод письма Gandhy прочел. Не хорош не перевод, но слог письма. Но что же делать, если лучше не умел» [Толстой 1957⁸, 215]. В данном случае Толстой, вопреки своему обычаю, почти не правил написанное, но это письмо ценно именно необработанностью слога, в качестве непосредственного отклика души.

Письмо шло до Ганди долго. Его отправлял В.Г. Чертков по поручению Толстого. Он пишет: «Толстой шлет вам и вашим сотоварищам сердечный привет и горячее пожелание успеха в вашем деле» [Сергиенко 1939, 349], его также заинтересовало сообщение о Калленбахе (Чертков по поручению Толстого прилагает последнему отдельное письмо). Что касается самого письма Толстого в адрес Ганди, оно, сообщает Чертков, с разрешения Толстого будет опубликовано в издаваемом дружественном журнале в Лондоне, и номер с напечатанным письмом будет доставлен Ганди. Чертков поручил своему помощнику А.Д. Зирнису переслать подлинник Ганди. Однако Зирнис, будучи болен, переслал письмо только 1 ноября. «Ганди получил письмо в Трансваале всего за несколько дней до смерти Толстого. Ответить ему он уже не успел» [Там же, 349]. Ганди опубликовал письмо, сделав новый перевод (видимо, не будучи доволен переводом Черткова) 26 ноября 1910 г. в журнале *Indian Opinion*. Он воспроизвел это письмо в 1914 г. в специальном номере журнала, «выпущенном в ознаменование победы южноафриканских индусов в борьбе за свои гражданские права. Там же был помещен портрет Толстого, под которым значится, что великий русский писатель являлся одним из главных вдохновителей этой борьбы, длившейся с 1906 по 1914 г.» [Там же, 352].

В связи с письмом Черткова, которое тот пишет Ганди, выполняя поручение Толстого, необходимо отметить еще один важный момент. В первом письме Ганди, среди прочего, спрашивал совета Толстого по поводу возникшей у него мысли о всеобщем конкурсе работ по вопросу о нравственности и пассивном сопротивлении. В ответном письме Толстой никак не отреагировал на эту просьбу. Теперь же Чертков, словно косвенно отвечая на вопрос Ганди, предлагает ему познакомиться с их общим с Толстым большим другом в Англии, известной писательницей Mrs Mayo, которая могла бы написать о движении Ганди и его друзей и тем привлечь внимание к их работе. Можно предположить, что это была позиция Толстого: плодотворна только та публичная дискуссия по вопросам нравственности, которая разворачивается в русле непротивления.

* * *

Вопрос о взглядах Толстого и Ганди, о соотношении их мировоззрений надо начинать с «Письма к индусу». И не только потому, что это произведение стало поводом для первого письма Ганди к Толстому (у Ганди была анонимная машинописная копия этого текста и он, желая напечатать его в своем журнале, просил Толстого подтвердить авторство и указать источники использованных в качестве эпиграфов высказываний Кришны). Более важно, что в этом письме Толстой выразил свой

взгляд на действенность непротivления применительно к борьбе индийского народа против британского порабощения еще до того, как познакомился с Ганди и его линией пассивного сопротивления.

24 мая 1908 Толстой получает из Вашингтона письмо от индийского журналиста Таракнатха Даса (Tarak Nath Das): тот пишет, что Толстой снискал всеобщее уважение борьбой против порабощения русского народа, но индийский народ страдает еще больше от британского правительства, и он «именем голодающих миллионов» просит его «написать хотя бы статью об Индии и этим выразить ваши взгляды на Индию» [Письмо к индусу 1956, 444]. Одновременно он послал несколько номеров редактируемого им журнала «Свободный Индостан». Толстой приступил к ответу на письмо 7 июня и работал три дня. Потом прервал работу («запнулся», как он выразился в «Дневнике»), возвращался еще раз позже в августе, и получив в конце октября повторную просьбу от Даса, вернулся к работе над ответным письмом в период от 17 ноября до 14 декабря. В «Дневнике» Толстого есть пометки о работе над ним 28 ноября и 6 декабря, а 14 декабря записано: «Кончил письмо к индусу» [Толстой 1937⁶, 163].

В дневнике Д.П. Маковицкого, помогавшего Толстому готовить письмо Таракнатху Дасу, от 7 июня записано: «Я ему хочу сократить статью “Всеми бывает конец”, — сказал Л.Н., — и послать. Они добиваются права участвовать в правительстве, то есть закрепить то насилие, которое над ними совершается» [Письмо к индусу 1956, 444]. В этих словах Толстого обозначена основная ошибка обратившегося к нему индийского журналиста и его друзей, которая состоит в том, что они хотят играть с британскими угнетателями по их собственным правилам. Поэтому Толстой планирует свою статью в защиту индийского народа поднять на мировоззренческий уровень и рассмотреть, в какой мере люди в борьбе за свои идеалы могут опираться на насильственные средства. За основу Толстой берет сокращенную версию трактата «Закон насилия и закон любви» (в предварительном варианте «Всеми бывает конец»), над которым он в то время работает (работа была завершена в июле 1908 г.). «Письмо индусу» пронизано единой мыслью, состоящей в том, что закон насилия и закон любви альтернативны; если даже и возможно допустить существование в прошлом некоей исторической диалектики, которая в каком-то смысле оправдывала насилие, то в настоящее время она полностью исключается и надо выбирать: или одно — или другое.

Толстой говорит, что его всегда удивляло, почему большинство трудящихся людей подчиняются небольшой кучке людей. Особенно странно, когда, как в случае Индии, многомиллионный телесно и духовный одаренный народ находится во власти небольшой кучки совершенно чужеродных ему угнетателей, к тому же «стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют» [Толстой 1956⁶, 258]. Он не видит другой причины, кроме той, что индийский народ, руководимый его лидерами, пошел по ложному пути антирелигиозного и безнравственного общественного устройства, по которому идут все народы запада и востока, от Японии до Англии и Америки. С известного нам времени история человечества всегда сопровождалась насилием, но тысячи лет назад среди людей разных народов зародилась одна и та же мысль о том, что каждому человеку свойственно духовное начало, объединяющее всех любовью. Мысль эта выражалась «и в браманизме, и в еврействе, и в маздеизме (учение Зороастра), и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, и в писаниях греческих и римских мудрецов, и в христианстве, и в магометанстве. Уже то одно, что мысль эта, одна и та же, высказывалась среди самых различных народов и в различное время, показывает то, что мысль эта была свойственна человеческой природе и заключала в себе истину» [Там же, 260]. Одновременно она стала искажаться официальными религиями в пользу интересов властителей. Впоследствии эстафету ослабевающих религиозных аргументов подхватило научное суеврие, доказывая извечность насилия, его естественность в природе и неизбежность очищения общества от определенных элементов. «Огромный брамино-буддийский и конфуцианский мир» вслед за европейской цивилизацией также идет по пути насилия, вот и вы, — говорит Толстой, прямо обращаясь к своему адресату, — предлагаете в своем журнале в качестве лозунга для индийского народа эпиграф: «Сопротивление против агрессии не только законно, но необходимо, непротivление причиняет ущерб и альтруизму и эгоизму»². В действительности здесь, по мнению

Толстого, говорится то, что прямо противоположно истине: «Любовь при допущении противления злу насилием есть внутреннее противоречие» [Там же, 267]. Правда состоит в том, что «не англичане, а сами индусы поработили себя» и, если руководствоваться законом любви, «не только сотни не поработят миллионы, но миллионы не поработят одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас» [Там же, 269]. Сегодня человечество находится на таком этапе, когда ему в целом и каждому человеку в отдельности важнее всего выбрать, по какому пути идти, решить, что им прежде всего нужно.

Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы, не новые хитрые изобретения подводного плавания, воздушного летания, могущественных взрывов или различного рода удобств для удовольствия богатых, властвующих классов, не новые училища, университеты с преподаванием бесчисленных наук, не увеличение газет и книг, и граммофонов, и кинематографов, не те ребяческие, большею частью развратные глупости, которые называются искусствами, а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одуренного религиозными и научными суевериями, истины о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающий высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству.

И завершает Толстой словами Кришны, высказываниями которого он сопровождал свое письмо: «Дети, взгляните вверх своими ослепленными глазами [Там же, 271].

* * *

После знакомства с теми индийскими лидерами, которые направляли свой народ, как он считал, по ложному пути насилия и скорее способствовали его порабощению, чем освобождению, и после того, как он в «Письме к индусу» со всей определенностью высказал свою критическую позицию по этому вопросу, Толстому было особенно радостно узнать о Ганди, индийце, разделяющем его взгляды. Как показывают записи в «Дневнике», получив от Ганди второе письмо и его книгу, Толстой глубоко заинтересовался им. 19 апреля, в день получения письма, он отмечает: «Нынче утром приехали два Японца³. Дикая люди в умилении восторга перед европейской цивилизацией. Зато от Индуса и книга и письмо, выражающее понимание всех недостатков европейской цивилизации, даже всей негодности ее». 20 апреля:

Вечером читал Канди (так написано у Толстого. — *А.Г.*) о цивилизации. Очень хорошо. Записать:

1) Движение вперед медленно, по ступеням поколений. Для того, чтобы двинуться на один шаг, нужно, чтобы вымерло целое поколение. Теперь надо, чтобы вымерли бары, вообще богатые, не стыдящиеся богатства, революционеры, не влекомые страданием несоответствия жизни с сознанием, а только тщеславием революции, как профессии. Как важно воспитание детей, — следующих поколений.

2) Японцы принимают христианство как одну из принадлежностей цивилизации. Сумеют ли они также, как наши европейцы, так обезвредить христианство, чтобы оно не разрушило того, что они берут в цивилизации?

3) Огромное большинство живет одной животной жизнью; в вопросах же человеческих слепо подчиняется общественному мнению.

4) Усилие мысли, как семя, из которого вырастает огромное дерево, не видно; а из него вырастают видимые перемены жизни людей.

В этих суждениях Толстого о перспективах воспитания и постепенном прорастании в обществе идей непротивления причудливым образом соединились личные впечатления от его встречи с европеизированными японцами и размышления над книгой Ганди. Его сравнение усилий мысли с невидимым семенем, из которого произрастает огромное дерево, похоже, прямо навеяно строчками Ганди: «Семя никогда не видно. Оно работает под землей. Само оно уничтожается, и лишь дерево, которое возвышается над землей, оно одно и видно» [Ганди 1919, 29]. Образ семени, которое

дает начало жизни, был, видимо, очень близок сторонникам ненасилия, которым приходилось работать в условиях всеобщего непонимания.

21 апреля: «Читал книгу о Gandhi⁴. Очень важная. Надо написать ему» [Толстой 1934, 39–40]. В тот же день Толстой пишет Черткову, что читал «одного индусского мыслителя и борца против английского владычества Gandhi, борющегося посредством Passive Resistance. Очень близкий нам, мне человек. [...] Он просит моего мнения об его книге. Мне хочется подробно написать ему. Переведете вы мое такое письмо?» [Толстой 1957⁵, 185]. А вот запись в «Записках» Д.П. Маковицкого (врача и секретаря Толстого): «Ганди, — сказал Толстой, — автор книжки “Indian Home Rule”. Он начальник партии, борющийся против Англии. Он сидел в тюрьме. Прежде я получил книгу о нем. Эта книга в высшей степени интересна. Это глубокое осуждение с точки зрения религиозного индуса всей европейской цивилизации. Как он приезжал в Лондон, как он начал есть мясо, как он учился танцевать и подчинялся цивилизации. Началась война в Южной Африке. Его презрение к отношению белых к цветным людям. Кроме того, он проповедует, что самое действительное противодействие — это пассивное» [Сергиенко 1939, 346].

Ганди признавал, что Толстой оказал сильное влияние на его жизнь. «“Царство божие внутри вас” буквально захватила меня. Она оставила неизгладимый след в моей душе» [Ганди 2012^а, 154]. В речи по случаю столетия со дня рождения Толстого он еще раз возвращается к ней: «Книга Толстого излечила меня от скептицизма и сделала убежденным сторонником ненасилия». И здесь же, в целом, о значении Толстого: «Являя своей жизнью образец истинной высочайшей ахимсы, Толстой с его огромной, как океан, любовью к людям служит нам маяком и неиссякаемым источником вдохновения» [Ганди 2012^б, 476]. К его книге «Индийское самоуправление» приложен небольшой список из двадцати наименований «авторитетных работ», который открывается шестью произведениями Толстого (на английском языке): «Царство божие внутри вас»; «Что такое искусство?»; «Рабство нашего времени»; «Первая ступень»; «Так что же нам делать?»; «Письмо индусу». Ганди говорит о Толстом часто и всегда с почтением, как о человеке, у которого надо учиться. И тем не менее его нельзя назвать последователем Толстого, точно так же, как его нельзя возвести в обычном школьном смысле к какой-то определенной традиции, школе, учителю. Ганди испытал, конечно, много интеллектуальных и человеческих влияний, переработал много книг, быть может, не так много, как Толстой, да и в целом его жизненный путь не был таким драматичным и противоречивым, и его дорога к ненасилию, возможно, была не такой ухабистой, как у Толстого. Но он, и в этом они схожи с Толстым, пришел к ненасилию не из книг, не из университетов, не в поисках своего места в академической или какой-либо иной человеческой корпорации. Думаю, не будет также корректно сказать, что он дошел до всего самостоятельно и сам открыл истину ненасилия, подобно тому, например, как Эйнштейн открыл теорию относительности. Истина ненасилия для Ганди — не одна из истин, а истина сама по себе, единственная истина, и в данном случае не требуется даже уточняющее определение «ненасилие». Ганди не вычитал идею ненасилия, он увидел ее. На вопрос о том, существует ли историческое подтверждение ненасилия (непротivления, пассивного сопротивления), которое тождественно духовной силе, силе правды, Ганди ответил: «Мне это кажется научной истиной. Я верю в это точно так же, как в то, что дважды два — четыре» [Ганди 2019, 94]. И он сформулировал свой знаменитый тезис: «Вселенная исчезла бы, если бы эта сила не существовала» [Там же, 94]. Эту истину он увидел в опыте собственных духовных поисков, она стала его основным религиозным переживанием. Попав юношей из Индии в сверкающий мир Европы и столкнувшись с разными верованиями, он задумался над тем, кто он: «По рождению я индус. Но я еще мало знаю индуизм и еще меньше другие религии. По существу я не знаю, кто я, во что я верю и во что следует верить. Я собираюсь тщательно изучить свою религию, и по возможности другие религии» [Ганди 2012^а, 140]. Он открылся всем верованиям, примеряя их на себя и пытаясь в них найти отгадки жизни: он искал себя и в индуизме, и в христианстве, и в мусульманстве, и среди теософов, и среди протестантов, квакеров. Всюду его сердце находило отзвук и в то же время что-то его отвергало. Так, близкий по происхождению и воспитанию индуизм был неприемлем из-за идеи

неприкасаемых. На него произвела неизгладимое впечатление Нагорная проповедь Христа, но он не мог принять христианскую идею искупления грехов. Он приходит к выводу, что все религии разными путями приходят к одной цели. Во внешних проявлениях они отличаются друг от друга, но общий корень у них один — это любовь, которая в своем прямом и чистом виде обнаруживает себя в отречении, непротивлении насилию. Ахимса — вот слово, которое выражает то, как на самом деле все устроено и должно быть устроено в мире, а все виды насилия в общественной жизни и в истории — «нарушения равномерной работы этих сил любви» [Ганди 2019, 95]. Толстой полностью согласен с Ганди, что любовь есть истина, которая всем очевидна, она — «единственный закон жизни человеческой, и это в глубине души знает и чувствует каждый человек (как это мы яснее видим на детях)» [Толстой 1956⁶, 137].

* * *

Толстой считает непротивление точным и неискаженным выражением любви. Ганди тоже пришел к тому, что поставил знак равенства между пассивным сопротивлением и силой любви, введя для этого специальное понятие *сатьяграха*. Любовь как основной закон жизни означает, что духовная сила превосходит физическое принуждение и страх смерти, органически связана с самопожертвованием. И закон этот находится внутри каждого как знак его божественного происхождения, его надо найти в самом себе и руководствоваться им. Толстой в письме к Ганди приводит реальный пример девушки с женских курсов, которая на экзамене на вопрос архиерея о том, всегда ли во всех случаях законом Божиим запрещается убийство, ответила не так, как ее учили, что, мол, убийство разрешено на войне и при казнях преступников, а сказала: всегда. И несмотря на все доводы и софистические ухищрения экзаменатора, девушка твердо стояла на своем, что убийство всегда, как и всякое зло против другого человека, является грехом. И архиерей вынужден был замолчать, девушка осталась победительницей. И вопрос не в том, чтобы человек мобилизовал доводы в пользу любви и ненасилия, — они очевидны любому разумному человеку, — а в том, чтобы решиться следовать голосу своей совести.

Как считали Толстой и Ганди, любовь (ненасилие, сатьяграха) никак не сводится к усвоению определенных знаний и представлений, она представляет собой не то, что говорят и должны делать другие, а то, что делать мне самому, в чем состоит мое собственное нравственное совершенствование. Как пишет Толстой, он ошибался, когда думал, что следует стремиться исправить жизнь других, вместо того, чтобы «отречься от сознания своей правоты, своих преимуществ, особенностей перед другими людьми и признать себя виноватым» [Толстой 1937^a, 391]. Эту же ключевую мысль сатьяграхи выражает Ганди: «метод обеспечения прав путем личных страданий» [Ганди 2019, 96]. Закон любви мы, люди, находим каждый в самом себе. Он уходит в бесконечность нравственного совершенствования. Мы не можем сказать, куда он идет, но мы знаем, с чего он начинается.

Первый шаг начинается с управления собственным телом, с целомудрия в самом широком значении слова, начиная с вегетарианства и умеренности в пище и кончая подавлением похотей. Толстой и Ганди соглашались в понимании этого вопроса. Интересно отметить, по вопросам вегетарианства они оба оказались (разумеется, не зная об этом) под влиянием одной и той же книги Х. Уильямса «Этика пищи» (*The Ethics of Diet by Howard Williams*, 1883 г., на русский язык переведена в 1893 г.): Ганди увлекался ею в Лондоне, когда сделал выбор в пользу вегетарианства, Толстой в 1891 г. в качестве предисловия для русского издания этой книги подготовил развернутую статью «Первая ступень». Ганди пошел намного дальше, и возможно, был последовательней, чем Толстой, в деле эксперимента над своим телом: он уделял телу не больше внимания, чем временному прибежищу души, максимально ограничивал его питание, широко практиковал частые посты и голодовки, в ситуации выбора между здоровьем тела и чистотой души всегда стоял на стороне души и никогда не отступал от религиозных убеждений. (Он приводит в автобиографии несколько ситуаций на грани жизни и смерти, когда он и сам, и разделяющие его веру жена и сын вопреки категорическим требованиям врачей отказывались от мясного бульона.) Особенно показателен его успешный эксперимент [Ганди 2012^a, 204–210], широко известный

как брахмачарья. Ганди считал, что единственное назначение полового инстинкта состоит в рождении детей, и в 37 лет, когда у него уже было трое сыновей, получив согласие жены, взял обет отказаться от половой жизни и не только безукоризненно следовал ему, но благодаря особому режиму питания и упражнению тела добился исчезновения самих сексуальных желаний.

Толстой и Ганди не считали себя ни праведниками, ни святыми. Скорее, наоборот: каждый из них сознает свое принципиальное человеческое несовершенство. И именно поэтому они считали себя недостойными судить других. (Особенно показателен такой случай: когда двое воспитанников из руководимой Ганди общины совершили проступок, то наказание принял на себя сам Ганди — «решил поститься семь дней, а на протяжении четырех с половиной месяцев принимать пищу только раз в день» [Ганди 2012^a, 311].) Их автобиографические рассказы — истории собственных прегрешений, в них нет ничего героического, ничего, что делает честь человеку. Они рассматривают свои жизни как индивидуальные случаи, а не как частные проявления человека вообще. Им достаточно того, что они, каждый по-своему, сознают свое глубокое несовершенство и руководствуются этим, даже если предположить, что они представляют собой худшие человеческие экземпляры. Они ориентируются не на общие каноны, которых придерживаются люди, а на внутренний моральный закон, который каждый находит в себе, подобно тому как каждый находит в своей груди бьющееся сердце. Если в жизни и словах Толстого и Ганди заключен некий урок, то он заключен совсем не в гуманизме. Они учат, что человек живет не для себя, а для бога, вернее, живет не ради своего животного благополучия, а ради того божественного, что есть в нем — ради самоотвержения. Они не знают, что такое бог: по Толстому «бог, как начало всего, не может быть постижим для разума» [Толстой 1957^a, 71]; Ганди говорит очень похоже: «Я не вижу его и не знаю. Я верю в бога, как верит весь мир» [Ганди 2012^a, 261] Толстого и Ганди роднит не только моральное убеждение в непротавлении насилию, но и понимание того, что это убеждение есть выражение божественного в жизни. Аскетическое самоограничение является лишь первым шагом на этом пути.

Первый шаг задает направление, за ним следуют другие, непротавление злу разворачивается в целостный образ жизни. Учения Толстого и Ганди поражают совпадением основных добродетелей: это действительно удивительно для людей столь разных биографий, семейных традиций, среды, национальных и религиозных традиций, интеллектуальных влияний, и сам по себе факт такого совпадения может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу той истины, которую они свидетельствуют. Кодекс непротавления включает в себя необходимость: отказаться от собственности, так как, уходя из мира, человек ничего не берет с собой; поддерживать жизнь личным трудом; воспитывать в себе бесстрашие и способность ничего не бояться, ибо с непротавленцем всегда бог; никогда не лгать («академические вопросы, такие, например, может ли человек солгать для того, чтобы спасти жизнь [...] появляются лишь у тех, кто хочет оправдать ложь» [Ганди 2019, 104]).

Все эти добродетели, как и целомудрие в качестве первого шага, суть личные (персональные) вехи на пути непротавленца: нельзя забывать, что и для Толстого, и для Ганди существует зло, но не существует злодеев. Для человека существует зло насилия, так как самим фактом животной жизни он погружен в атмосферу насилия, и для него не существует злодеев, так как сама жизнь в ее духовной изначальности является любовью, ненасилием. Поэтому, став на путь непротавления, каждый индивид вступает в бой с самим собой, ожесточает свое сердце против проникающего в него зла, открывает сердце всем братьям и протягивает им руку. Если бы для Толстого кто-то был злодеем, то это был бы русский царь Николай II. Но он пишет ему письмо, обращаясь: «Дорогой брат». Если бы для Ганди во время Второй мировой войны кто-то был злодеем, то это был бы Гитлер. Но он начинает свое письмо ему словами: «Дорогой друг», и во втором письме, как бы полемизируя с теми, кто был недоволен, что он так обратился к нему в первом письме, добавляет, что такое обращение не является для него пустой формальностью.

Сопоставляя Толстого и Ганди, Ромен Роллан пишет: «Наиболее резко сказывается сходство этих двух людей или в чем действительнее всего выразилось влияние Толстого —

это в осуждении, которое Ганди выносит всей европейской цивилизации» [Роллан 1936 web]. Вряд ли в этом сказалось влияние именно Толстого, у Ганди для такой позиции было вполне достаточно своих впечатлений, аргументов и причин. Правда заключается в том, что именно в этом пункте Ганди произвел на Толстого наиболее сильное впечатление. У Толстого развернута глубокая критика, охватывающая едва ли не все стороны общественной жизни (политическое устройство, экономику, науку, искусство, судебную систему, деньги и др.). Ганди также не оставляет от Запада, как говорится, камня на камне, доходя до отрицания даже машин, учителей, врачей, судей. Оставляя в стороне этот вопрос, требующий самостоятельного исследования, хотелось бы только сказать, что основной пафос критики обоих мыслителей является моральным. Современной цивилизации они отказывают в историческом праве на существование по следующим основным причинам: она вся замешана на материальном благополучии, поклонении Маммоне; все ее институты имеют по отношению к человеку внешний отчужденный характер; ее несущей конструкцией является насилие. Толстой и Ганди просто последовательны как мыслители и честны как люди: или закон любви, или закон насилия.

* * *

Толстой и Ганди не дают нам материала для того, чтобы мы могли говорить об их разногласиях и полемике. Толстой высоко оценивал Ганди и его деятельность. Ганди всегда относится к учению Толстого и его имени с глубоким почитанием. Правда, у них возникло одно разногласие: в тексте «Письмо к индусу» Толстой среди религиозных предрассудков упоминал перевоплощение (реинкарнацию). Ганди, перед тем как опубликовать его, в предельно тактичной форме просит Толстого убрать это место, так как это верование очень дорого индусам, морально поддерживает его товарищей в заключении и к тому же разумно объясняет многие тайны. Толстой, оставаясь при своем мнении, дает Ганди разрешение поступать в данном случае так, как тот считает нужным. Сопоставляя учение Ганди с учением Толстого, правильной говорить не о верном ученике, и не об отличиях, разных подходах, а о дальнейшем развитии. Ганди распространил идею ненасилия на область общественной жизни. Он разработал гениальную стратегию и тактику ненасильственной борьбы за национальное освобождение, взяв за основу нравственно-религиозное учение Толстого.

Примечания

¹ Иногда высказывается мнение, что это было едва ли не последнее письмо Толстого [Green 1986, 9], это выглядит красиво с точки зрения отношений Толстого и Ганди, но не соответствует фактам, на самом деле Толстой после письма Ганди написал еще 124 письма.

² Высказывание английского философа Г. Спенсера из книги «Социология».

³ Судя по записям Д.П. Маковицкого от 19 апреля, речь идет о посетивших Ясную Поляну японцах по имени: Харада и Каджу Мидзутаки. Первый был человеком около 50 лет, самураем, получившим образование в Америке, он был продолжительное время в Китае и Индии; был знаком с учением Толстого, но не признавал его, хотя после беседы сказал, что это теперь стало для него проблемой. Он долго наедине говорил с Толстым, тот также много расспрашивал у гостя о Китае и Индии, в основном об их религиозно-нравственной жизни. Второй был человеком 27 лет, после окончания университета дома он был направлен в Москву в Народный университет изучать русский язык и русскую технику [Толстой 1934, 364].

⁴ Речь идет о биографии Ганди: [Doke 1909].

Источники и переводы — Primary Sources and Translations

Ганди 2012^a — Ганди М. Автобиография, или История моих опытов с истиной // *Махатма Ганди. Революция без насилия*. М.: Алгоритм, 2012 (Gandhi, Mohandas Karamchand, *An Autobiography or the Story of my Experiments with Truth*, Russian Translation).

Ганди 2012^b — Ганди М. Мой Толстой // *Махатма Ганди. Революция без насилия*. М.: Алгоритм, 2012 (Gandhi, Mohandas Karamchand, *My Leo Tolstoy*, Russian Translation).

Ганди 2019 — *Махатма Ганди*. Хинди Сварадж, или индийское самоуправление. М.: Наука — Восточная литература, 2019 (Gandhi, Mohandas Karamchand, *Hind Swaraj or Indian Home Rule*, Russian Translation).

Загородникова 2013 — Толстой и Индия. Переписка (составление, авторское введение и примечания Т.Н. Загородниковой). М.: Наука, 2013 (Tolstoy and India. Correspondence. In English and in Russian).

Письмо к индусу 1956 — «Письмо к индусу». История писания и печатания и описание рукописей // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: ГИХЛ, 1956 (Leo Tolstoy, *Letter to a Hindu*, Publication History, in Russian).

Роллан 1936 web — Роллан Р. Махатма Ганди // Роллан Р. Собрание сочинений. Т. XX. Л.: ГИХЛ, 1936. http://www.belousenko.com/books/rolland/rolland_gandhi.htm (Rolland, Romain, Mahatma Gandhi, Russian Translation).

Сергиенко 1939 — Переписка Толстого с М.К. Ганди. Публикация А.Сергиенко // Из литературного наследия М.: Издательство АН СССР, 1939. Кн. II. С. 339–352 (Leo Tolstoy, Mohandas Karamchand Gandhi, Correspondence, in Russian).

Толстой 1934 — Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 58. М.: ГИХЛ, 1934 (Leo Tolstoy, *Diaries and Notes*, in Russian).

Толстой 1937^a — Толстой Л.Н. Так что же нам делать // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 25. М.—Л.: ГИХЛ, 1937 (Leo Tolstoy, *What Then Must We Do?*, in Russian).

Толстой 1937^b — Толстой Л.Н. Дневники // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 56. М.: ГИХЛ, 1937 (Leo Tolstoy, *Diaries*, in Russian).

Толстой 1955 — Толстой Л.Н. Письма // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 80. М.: ГИХЛ, 1955 (Leo Tolstoy, *Letters*, in Russian).

Толстой 1956^a — Толстой Л.Н. Письма // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 81. М.: ГИХЛ, 1956 (Leo Tolstoy, *Letters*, in Russian).

Толстой 1956^b — Толстой Л.Н. Письма // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 82. М.: ГИХЛ, 1956 (Leo Tolstoy, *Letters*, in Russian).

Толстой 1956^b — Толстой Л.Н. Письмо к индусу // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: ГИХЛ, 1956 (Leo Tolstoy, *Letter to a Hindu*, in Russian).

Толстой 1957^a — Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1957 (Leo Tolstoy, A Confession, in Russian).

Толстой 1957^b — Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 57 М.: ГИХЛ, 1957 (Leo Tolstoy, *Diaries and Notes*, in Russian).

Толстой 1957^b — Толстой Л.Н. Письма к В.Г. Черткову // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 89. М.: ГИХЛ, 1957 (Leo Tolstoy, *Letters to Vladimir G. Chertkov*, in Russian).

Шифман 1957 — Шифман А.И. Толстой — друг Индии // Советское востоковедение. 1957. № 1. С. 99 (Shifman, Aleksander I., Tolstoy — A Friend of India, In Russian).

References

Doke, Joseph J. (1909) *M.K. Gandhi. An Indian Patriot in South Africa*, The London Indian Chronicle, London.

Green, Martin (1986) *The Origins of Non-violence. Tolstoy and Gandhi in Their Historical Settings*, Pennsylvania State University Press, University Park, PA.

Сведения об авторе

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института философии РАН.

Author's information

GUSEYNOV Abdusalam A. — DSc in Philosophy, professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Principal Adviser for Academic Affairs, Institute of Philosophy, RAS.